…Трое синтетов спустились в коллекторы невдалеке от дома Марты, воспользовавшись технологическим люком.

Всё дальше и дальше вниз вели зловонные подземелья. И, признаться, Лире стало жутковато от покрытых потёками влаги стен, плещущейся грязной воды и тусклого света, выхватывающего из тьмы неясные тени. Не покидало ощущение, что за ними кто-то наблюдает, но единорожка, ежеминутно оглядываясь, убеждала себя, что это просто приступ паранойи.

По мере удаления от центральной части Гигаполиса, Лире иногда начинало казаться, что они погружаются в потустороннюю тьму. В туннеле становилось всё меньше работающих ламп, да и сами они изменились.

Вместо световых панелей появились древние светодиодные светильники, работающие через один. После очередного стыка туннелей пропали полимерные тюбинги, обнажив бетонные стены с наростами густой плесени.

Сгущающаяся тьма подавляла. Тоннели становились старше, трубы — грязнее и ржавее. Сколько они так шли, Лира не взялась бы сказать. Но то, что прошло несколько часов — это точно.

Несколько раз синтеты пользовались движущимися лентами автоматических транспортёров, что доставляли куда-то контейнеры с неизвестным грузом, которые спускались и поднимались на подъёмниках, служивших, очевидно, частью системы снабжения Гигаполиса.

Потом снова начались трубы канализации, на этот раз больше похожие на старые пещеры, заполненные вонючими стоками. По краям больше не было удобных возвышений, и на низких участках приходилось брести по колено в мутной жиже.

И чем дальше, тем становилось темнее и тише вокруг. Лира вскоре создала рогом волшебный огонёк, и бледно-зелёный свет заставлял очертания древних подземелий выныривать из теней.

— Чтоб я ещё раз сюда с фонарём полез, — заметил Джерри, когда волшебный свет выхватил из мрака чей-то череп, — никогда бы не подумал, что в старых туннелях столько гадости.

Скуталу не ответила. Ей вообще почему-то хотелось прижаться к Лире Харстрсингс и спать, спать, спать — пока не разбудит кто-нибудь строгий и решительный. Как Джерри, например.

— Эти туннели мне напоминают Вечнодикий Лес, — сказала Лира, — здесь так же темно, страшно и непонятно. Зачем вообще всё это было строить? Неужели такой лабиринт понадобился только как… выгребная яма?

Джерри отозвался:

— Не только. Ты видела старый поезд на колёсах? И кабели? Люди прятали под землю всё: транспорт, провода, склады и убежища. Старые города уходили вниз на многие этажи ещё два столетия назад. В ожидании войн или просто исходя из целесообразности. А потом, как у людей водится, многое было заброшено, забыто…

— Даже не верится, что величественные здания Шпилей и это — один и тот же город. Это ведь правда так, да?

— Никогда не задавался этим вопросом. Слишком был занят… выживанием.

— А я поверить не могу, что мы забрались так далеко, — подала голос Скуталу, ноги которой уже начали ныть от усталости, — и что нам не сиделось до́ма?

Лира чувствовала напряжение пегасенки, но положа копыто на сердце, и сама ощущала себя не в своей тарелке. Этот тоннель действовал просто угнетающе.

— До́ма, если помнишь, есть простая проблема: там почти нечего есть. И если бы можно было прожить без вылазок в город, я стал бы первым, кто за это проголосует. На окраины же синтетам лучше не соваться в принципе. Опасно, особенно для такой мелочи как мы.

— Почему? — тут же спросила Лира, но вдруг поняла, что ей совсем не хочется знать ответ.

— Могут… обидеть, — неуверенно пояснил Джерри, перехватив испуганный взгляд единорожки, — И да, что бы ты себе ни навоображала, это вполне может оказаться правдой. Так что приходится по коммуникациям добираться до более-менее приличных районов, где парочка синтетов не привлечёт, по меньшей мере, излишнего внимания.

Лира прижала уши. Она не знала, почему её грива вдруг шевельнулась от чувства животного страха. Запах был незнаком ей, созданию доброго мира, но инстинкты безошибочно определили: этот запах означает опасность.

Кровь.

Свежая.

— Проклятье, — процедил Джерри враз похолодевшим голосом, — Назад все.

— П-погоди, — голос единорожки ощутимо дрожал, — А в-вдруг там кто-то попал в беду?

— Вот именно, — кивнул мыш, — и если мы не хотим разделить судьбу этого «кого-то», то лучше нам убраться отсюда подальше.

Скуталу, инстинктивно прижавшись к боку Лиры, подняла умоляющий взгляд на взрослую пони.

Это движение как будто прибавило единорожке уверенности:

— Ждите здесь. Я только взгляну, нельзя ли там помочь. И сразу назад, обещаю.

— Отговаривать тебя, полагаю, бесполезно? — сварливо поинтересовался Джерри, уперев руки в бока, — Так и знай, спасать тебя мы не станем…

Лиру, впрочем, это не остановило. Вскоре различить в темноте можно было только тусклый огонёк на конце рога, скрывшийся за поворотом.

— Это просто наказание какое-то, — вздохнул Джерри.

— Ты так и про меня говорил, — заметила Скуталу, махнув хвостом.

— Обе вы — наказание для здравомыслящего мыша вроде меня!

Прервав дискуссию, из темноты донёсся протяжный крик единорожки.

Джерри не успел ничего сказать, как Скуталу рванула в темноту, решительно наклонив вихрастую голову. Мышу осталось только с проклятьем вцепиться в сиреневые пряди и молиться о том, чтобы Лира просто увидела крысу или ещё что-нибудь в этом роде.

Правда оказалась прозаичнее и в то же время куда страшнее.

Скуталу, завернув за угол, резко затормозила с невнятным писком, и Джерри получил возможность увидеть, что так напугало пони.

Лира, сев на задние ноги у стены и согнувшись в три погибели, неудержимо извергала на пол содержимое желудка. Скуталу же, выпучив глаза, просто тихо замерла на месте, парализованная ужасом.

На стене висел пони. Прямо над лужей из крови и не пойми чего ещё, во что совсем не хотелось всматриваться, распятый грубыми гвоздями на наспех сколоченном деревянном кресте, бессильно свесив голову. Чёрно-белую пегую шкуру тут и там покрывали раны и ожоги. Длинная чёрная грива, свалявшись грязными сосульками, закрывала морду, и Джерри мимоходом подумал, что не хотел бы смотреть в лицо мертвеца.

На пони не было одежды, та лежала рядом, прямо в кровавой луже. Джерри мельком заметил

вышитые на порванной куртке буквы «L» и «D». Взгляд невольно скользнул по телу на огромную рану внизу живота. В следующее мгновение мыш и сам еле сдержал рвотный позыв.

Как такое можно было сделать с живым существом, а главное, зачем, мыш не представлял. Даже надпись на стене, сделанная светящимся маркером и гласившая «Суть тварь богомерзкая, похотливая», ничего не объясняла.

В мире людей существовало множество тех, кто ненавидели синтетов за свою нищету, за чужое счастье или просто потому, что те отличались внешне. И пони, набравшие за время возрождения сериала большую популярность, зачастую становились жертвами этой ненависти.

— Идёмте отсюда, — выдавил Джерри и чувствительно дёрнул за ухо пегасенку, чтобы та оторвалась от душераздирающего зрелища, — пока кто-нибудь из очередных «богоизбранных» ревнителей не решил вернуться и проверить, что за вопли в технических тоннелях.

Но Лира как будто не слышала. Сидела, обхватив себя передними ногами и, уставившись в одну точку, раскачивалась туда-сюда.

Скуталу, прижав уши, отвела взгляд. Она в своей жизни уже успела увидеть и кровь, и смерть, а уж с болью и вовсе стала на ты. Но она оставалась жеребёнком из сказочного мира, и неприглядная реальность продолжала пугать и шокировать.

— Лира! — громко позвал мыш.

На него поднялись два заполненных слезами глаза.

— Ну зачем, зачем… — прошептала единорожка, содрогаясь в рыданиях, — Зачем они это сделали?.. Люди… Почему именно люди… Которых я боготворила полжизни… Зачем так?!

Она впервые в жизни видела смерть. Тем более — такую жестокую. Конечно, пони в Эквестрии умирали. Но обычно это был тихий уход в окружении любящих сердец, всегда готовых поддержать и утешить. Несчастные же случаи в Эквестрии были редки, и ещё реже оканчивались фатально.

Но реальность словно специально подбрасывала Лире всё новые и новые испытания, словно забавляясь с новой, ещё такой наивной и неопытной игрушкой, раз за разом проверяя на прочность.

Скуталу, подойдя вплотную, обняла единорожку и ткнулась ей носом в плечо.

— Фанатики никого не щадят, — мрачно вздохнул Джерри, — но к счастью, эти движения не слишком популярны. И распространены только на окраинах, где полно беглых или просто бесхозных синтетов, которых никто не хватится.

Лира вновь посмотрела Джерри в глаза.

— Да, вроде нас, — кивнул мыш, но тут же пожалел об этом, потому что слёзы хлынули с новой силой.

Какое-то время в тоннеле не было слышно ничего, кроме капающей воды и судорожных всхлипываний. Джерри почувствовал, что Скуталу под ним тоже характерно вздрогнула.

— Ну девочки, — сказал мыш, — Не плачьте. Мы уже ничем тут не поможем, а его мучения давно окончились.

— Надо… его снять, — сквозь рыдания проговорила Лира.

— Не надо, — возразил Джерри, — Нам тут негде его хоронить, нечего жечь, да и крысы на полу до него быстро доберутся.

«А ещё вам не понадобится делать эту грязную и кровавую работу, маленькие пони», — добавил он мысленно.

— Но нельзя же так его бросить…

Джерри вздохнул.

Положа руку на сердце, ему и самому не улыбалось оставлять замученного пони висеть распятым.

Но тело и вправду некуда было деть: тоннель был в хорошем состоянии, с крепкими стенами, а жечь было действительно нечего. Да и сырость тут не позволила бы разжечь нормальный огонь. Даже идея о том, чтобы бросить тело в поток, была сразу отброшена: до основных коллекторов было уже далеко, да и лучше ли тонуть в нечистотах, чем висеть на стене?

Джерри всё же уговорил пони уйти. Ежеминутно понукаемые, они удалились от страшного места.

Мыш понимал, что надо что-то сказать, но слова не шли в голову. Судя по прижатым понячьим ушам, у всех кошки на душе скребли.

— Лира, ты не могла бы снова… создать огонёк? — спросила вдруг Скуталу, когда впереди показался ещё один участок, погружённый во тьму.

— Чтобы высветить очередной скрытый под городом кошмар? — всхлипнув, спросила

единорожка, но на кончике рога всё равно возникла бледная искорка, разогнавшая темноту вокруг.

— Мы почти пришли, — сказал Джерри.

Голоса звучали натянуто. Все понимали, что мысли у каждого сейчас были заняты зверски убитым пони, который наверняка ничем не заслужил такую гибель.

Вскоре обнаружилась довольно большая решётка, перекрывающая доступ в широкий тоннель. Один из прутьев снова был кем-то заботливо срезан и лежал рядом. Получившаяся дыра была достаточно широкой для любой из пони.

Джерри нахмурился, вспомнив, как по прибытию в Белый город они со Скуталу расслабились и спокойно завтракали в летнем кафе. Тогда по затылку мыша легонько стукнул кем-то брошенный камешек, и, обернувшись, Джерри увидел приближающихся охотников.

Они тогда успели в последний момент — ещё секунд десять, и люди уже были бы слишком близко. Их тогда и впрямь спас тот украденный со школьной стоянки скутер. Убежать от взрослого человека на открытом пространстве Скуталу не могла, а короткие крылышки не могли поднять её в воздух. По идее, синтеты-пегасы в этом возрасте уже могли летать, но почему антигравы рыжей пегасенки не работали, мыш не знал. И Скут не знала тоже.

По всему выходило, что от кого-то приходит нежданная помощь. Но от кого? Жизнь жестоко научила маленького синтета, что ничто и никогда не даётся просто так. С другой стороны, если уж зашёл в мышеловку и услышал щелчок захлопнувшейся клетки, уже никто не помешает слопать сыр.

Рыжая пони подала голос:

— Джерри, признайся, тебя ведь так и тянет в подобные местечки.

— Не говори ерунды. Так короче и мало кто отважится за нами последовать.

— Угу. Ты говорил нечто похожее, пока мы не нарвались на аллигатора.

Лира, услышав это, чуть не споткнулась:

— Здесь есть аллигаторы?

Джерри, который обрадовался даже такой смене темы, постарался, чтобы голос звучал ободряюще:

— Нет, что ты. Когда мы видели его в последний раз, он застрял в решётке, так что не о чем беспокоиться.

Словно в ответ на эти слова, из какого-то бокового прохода раздалось глухое рычание. Три пары глаз уставились в темноту, но, конечно, ничего не разглядели.

— С другой стороны, — продолжил Джерри невозмутимо, — нам лучше поторопиться. Здесь, в темноте, что угодно может ошиваться. Лично я буду чувствовать себя гораздо лучше, когда мы окажемся дома, в безопасности.

Ускорившийся перестук копыт вскоре стих в лабиринте коммуникационных тоннелей. Если бы кто-нибудь сейчас мог наблюдать происходящее, то смог бы заметить, как из бокового тоннеля действительно вышел аллигатор. Тихо ступающий обутыми в резиновые сапоги кривыми лапами, сжимая в передних лапах помятый саксофон. И одетый в лохмотья, украшенные почему-то галстуком-бабочкой.

Прокашлявшись, ящер поднял взгляд и вслух продекламировал:

— Не чудится ли мне, что слышал голоса? Ох, нет, не может быть, чтоб здесь, во мраке ночи… Нет, плохо, плохо. Скверные стихи. Какая же ночь здесь, под землёй… — слова прервались не слишком удачно сыгранной гаммой на стареньком саксофоне, — Всегда, всегда один. Лишь музыка со мной…

Аллигатору почудился чей-то вздох. Он покрутил головой, но кроме теней, танцующих в тусклом свете редких ламп, не заметил ничего. Только упала непонятно откуда свёрнутая в трубочку купюра в сотню кредитов. Настоящее богатство для того, кто половину жизни питается отбросами и не может даже выйти на улицу с просроченным чипом регистрации.

А теперь можно внести первичный взнос по налогам, привести себя в порядок — и как знать, может, даже устроиться куда-то музыкантом? Или пусть даже охранником, для аллигатора с его силой и зубами в каком-нибудь заведении может открыться немало перспектив. Что угодно, лишь бы вырваться из одиночества в подземелье.

Условия для этого просты: нужен «зелёный» статус чипа.

Которая теперь стала доступна на тот короткий период, за который можно изменить свою жизнь.

Аллигатор-синтет улыбнулся и сказал нараспев:

— Не знаю, кто ты, добрая душа, но я благодарю, кем в жизни ты бы ни был…

* * *

…Небесно-голубая пони-синтет сидит за столом на стуле. Поза для четвероногого не слишком удобная, но она не жалуется. На ритуальное предложение закурить неожиданно соглашается, пропустив мимо ушей остроту про каплю никотина и лошадь.

Пегаска расслабленно приоткрывает крылья и с наслаждением затягивается сигаретой. В потолок устремляется струйка сизого дыма.

— Откуда мне было знать, что у него передоз? — отвечает она на вопрос следователя, — Я вам врач, что ли? Кроме того, я не могла оказать ему помощь при всём желании, потому что была как раз пристёгнута крупом кверху к дивану. Из-за шор даже не видела, чего он там хрипит и булькает, а из-за удил — не могла позвать на помощь. В такой позе меня и нашли, полумёртвую от жажды. Если Вы читали рапорт полиции, то знаете об этом. И уж простите, что не захлёбываюсь скорбными слезами. Если посмо́трите на меня как следует, без труда догадаетесь, почему.

Следователь окидывает лошадку, назвавшуюся Рейнбоу Дэш, взглядом. Поступившая на допрос по делу о скоропостижной смерти хозяина, она попадает под подозрение, так как находилась с ним в это время в одной комнате. Но синтет имеет железобетонное алиби. Хозяин вкатил себе смертельную дозу слакса, когда пегаска уже некоторое время была надёжно зафиксирована в позе, исключавшей любое вмешательство.

Синтет сидит за столом и курит, необъяснимым образом умудряясь держать тонкую палочку сигареты в копыте. Видок у неё и впрямь тот ещё. Короткий радужный ирокез, тени на глазах, пирсинг в ухе. Широкие кожаные браслеты с шипами и кольцами на всех четырёх ногах. Очевидно, раньше хозяин заставлял, чтобы удобно было пристёгивать, а потом привыкла. Лёгкие подковы на задних ногах, что цокали словно каблуки, когда её привели в участок. Шёрстка на шее немного вытерта — след от частого ношения ошейника. Кожаная куртка без рукавов и похожие по стилю шорты, из которых торчит семицветный хвост. Прямо девочка-неопанк, а не лошадка из мультика.

Но главное, всё тело в шрамах — арена и плети хозяина. Да, несладко ей пришлось, сразу видать.

— Хозяин — психованный извращенец, — доносится до ушей чей-то разговор через приоткрытую дверь, — но ладно хоть игрался со своей лошадкой, а не с живыми людьми.

Следователь не оборачивается и обращается к синтету, что после этой фразы злобно сжала зубы и прижала уши:

— Родственники покойного не подавали заявки на твою эвтаназию, но и брать к себе не хотят.

Ты знаешь, что это значит? Ты должна сама себя обеспечивать, или будешь направлена в…

— Обойдусь без людской заботы, — перебивает пони, затушив окурок о металл стола рядом с пепельницей, — сыта по горло. Я официально работаю в «Пони-Плее» на арене. И играю с группой там же. Сниму там каморку, делов-то.

— Тогда свободна, — говорит следователь, и на морде лошадки расплывается недобрая улыбка, — Район не покидать до окончания расследования, регистрацию обновить.

— Как скажете… сэр.

Следователь открывает пони дверь и та, опустившись на все четыре ноги, направляется к выходу. Почему-то следователь ждёт, что она пойдёт на двух, но глядя вслед пони, понимает, что с толку сбила одежда и поза, в которой та сидела за столом кабинета.

— Не смей пялиться на мой круп! — не оборачиваясь, бросает Рейнбоу Дэш.

Она выходит на улицу и расправляет крылья. Стоит так, щурясь на восходящее солнце — и неожиданно взмывает вверх, издав боевой клич команчей.

Через пару секунд следователь слышит преисполненный восторгом хриплый вопль:

— СВОБОДА-А-А!!!

Небо, словно вторя голубой пегаске, раскалывает гром приближающейся грозы…

Гром…

…Гром, вторгающийся в сознание, вероятно, издавали всадники Апокалипсиса. Видение из недавнего прошлого рассеялось. Рейнбоу Дэш чувствовала, что лежит щекой на чём-то твёрдом, судя по всему, в сидячем положении. Язык находился где-то вне рта, ставшего филиалом аральской пустыни, и присох к той поверхности, где лежала голова.

Веки, казалось, кто-то заколотил гвоздями, но их пришлось титаническим усилием приподнять, чтобы хотя бы взглянуть в лицо смерти, приближающейся с таким жутким грохотом.

Взору предстала перевёрнутая на бок барная стойка, по которой катился гранёный стакан, издавая тот самый апокалиптический звук. Стакан был пойман человеческой рукой. Рейнбоу испытала чувство глубокой благодарности обладателю этих пухлых пальцев, который никем, кроме бармена Сэма, быть попросту не мог.

— Блин, да вы извращенцы! — донёсся до слуха Дэш голос молодой девушки.

— Я поговорю с барменом, — ответил ей кто-то, видимо, молодой парень, — а ты…

— А я подожду на улице!

Язык с мерзким звуком отклеился от стойки. Рейнбоу попыталась поднять голову, но мир моментально закружился, в шее стрельнула боль, а желудок сделал попытку вылезти изо рта и высказать хозяйке всё, что думает по поводу количества потребляемого спиртного.

— Ох… — простонала пони хрипло, — Сэм, что я вчера делала?

— Пила, — коротко отозвался человек.

— Да чтоб тебя… я что-то натворила?

— Напилась!

— И всё?

— Да. И всё. Как всегда.

Рейнбоу расслабилась, насколько это вообще было возможно в сидячем положении, положив голову на барную стойку. Как пегаска умудрилась не рухнуть во сне на пол, оставалось тайной.

«Могли бы и на диванчик переложить, ублюдки», — злобно подумала Рейнбоу, поморщившись от прострела в шее и снова закрывая глаза.

Ей было плохо. Так всегда теперь случалось по утрам, потому что каждый вечер для Дэш проходил одинаково. Сначала песни с группой («Куда кстати свалили, сукины дети?!»), потом бои на арене, и после всего — обильные возлияния. До беспамятства. В штопор.

«Лошадиные дозы виски», — усмехаясь самоиронии, подумала Дэш.

Мысли текли лениво. Вставать не хотелось. Хотелось, наоборот, лечь. И чтобы проклятущий мир перестал, наконец, вращаться.

Неподалёку Сэм беседовал с кем-то. Рейнбоу прислушалась, и сквозь шум в ушах различила слова:

— С ней общалась Рейнбоу Дэш, — говорил бармен, потом добавил после паузы, — хм… вон та, что мордой на стойке отдыхает.

«Чтоб ты сдох, Сэм!» — мысленно пожелала ему Рейнбоу и снова подняла веки. Кто-то обклеил их изнутри наждачкой, не иначе.

Сэм продолжил, будто специально издеваясь:

— Только излагай покороче, а то она… ну сам видишь, в общем. Полстакана вчера не добрала до летальной дозы.

Рейнбоу не выдержала:

— Сэм! Т-твою мать, заткнись уже!.. — она с трудом подняла голову и уставилась на русоволосого парня, что терпеливо ждал за стойкой, — Тебе чего?

Пони заметила, что этот человек совсем не был похож на тех, которых она видела раньше. Даже джинсы и рубашка казались чем-то необычным. Всё чистое, гладкое — неестественное какое-то. Браслет с коммуникатором на руке — и тот весь из себя эфемерный.

И вообще какой-то парень был весь прилизанный. От аккуратной стрижки до носков блестящих ботинок. И галстук надел, хлыщ. Переливающийся.

При одном виде меняющихся цветов пегаску снова затошнило. Она спешно отвела взгляд.

— Рейнбоу Дэш, — осторожно позвал парень, — можно тебя спросить?

Негромкий и приятный в другой ситуации голос ввинтился в голову подобно буру.

— О-ох-х… — простонала Дэш, хватаясь копытом за виски, — сука… Если ты сейчас… мне что-то скажешь про перепих… клянусь небом, урою прямо тут.

Парень, казалось, смутился. Дружелюбная улыбка увяла, а на щеках проступил лёгкий румянец.

— Эм, вообще-то я ищу пони… — пробормотал он, но прервался, когда Рейнбоу расхохоталась. Вернее, начала было, но снова со стоном схватилась за голову:

— Убью, сука… — страдальчески протянула она, — Оглянись вокруг. Тут везде пони!

— Я ищу одну особенную пони…

Пегаска, в груди которой закипела злоба, сделала неудачную попытку оторвать задницу от стула.

— Так! — рыкнула Дэш, — ещё один. Щас я встану, и ты у меня ляжешь…

Парень вскинул руки.

— Нет, ты не поняла. Она мой друг!

— Че?!

Рейнбоу вновь попыталась встать, но ноги всё же подкосились и пегаска, больно стукнувшись челюстью о стойку, оказалась на полу.

— Ты как, в порядке? — спросил парень, и Рейнбоу почувствовала, как её попытались взять за переднюю ногу.

Она отдёрнула конечность и прорычала:

— Не трогать! И не думай даже, усёк? Теперь никому себя лапать не дам…

Парень убрал руку и повернулся, видимо, решив, что с Рейнбоу каши не сваришь. Дэш не могла этого знать, но Виктор Стюарт отродясь не видел такого жестокого похмелья.

— Так кого ищем-то, а, «друг»? — спросила Дэш, поднимаясь на ноги. Мир вокруг шатался, но уже терпимо.

— Бледно-зелёную пони с…

— За дуру держишь, да? — перебила пегаска и пошевелила крыльями. Те слушались, но плохо. Да и маховые перья уже нуждались в уходе.

Интересно, когда она в последний раз принимала душ? Не на этой неделе точно…

— Прости?

— Лира Хар… Хартстрингс тебе нужна? Вчера была, да. Ставишь опохмел — продолжаю.

Через пару минут Дэш выпила не меньше литра воды и полстакана чего-то крепкого, заказанного Виком, и смогла внятно общаться. У Вика сжималось сердце при мысли, что

ранимая, чувствительная Лира оказалось в этом месте ночью.

Что ей успели продемонстрировать завсегдатаи «Пони-Плея», можно было только догадываться.

Сейчас, утром, заведение походило на обычный бар. Разве что вместе с людьми здесь были пони. И то лишь засидевшиеся компании, остальные давно разошлись. Виктор мельком заметил, спящего парня, что откинулся на диване в одном из альковов. У него на коленях головой лежала Пинки Пай, одетая в спортивный комбинезон, и тоже дремала.

— Так значит, это ты тот идиот, что даже не сказал своей игрушке, что она такое? — осведомилась тем временем Рейнбоу, захрустев гренками из пододвинутой Сэмом мисочки.

Жажда накатила было вновь, но гренки были единственным, что осталось в баре из закусок после бурной ночи. Пришлось запивать набившей оскомину тёплой минералкой.

Вик возразил:

— Во-первых, Лира не игрушка, а во-вторых, что вы ей тут наговорили?

— Следить надо за синтетом, — буркнула пегаска, потом добавила, — Ничего такого, чего она не узнала бы раньше или позже.

Виктор, уже составивший примерную картинку произошедшего вчера, понял, что от этой Рейнбоу, постепенно превращающейся в собственную тень, много не добьёшься. Но он всё же предпринял ещё одну попытку:

— А куда пошла Лира, ты не знаешь?

— Без понятия… Не следила как-то. Но похоже, что сигать с моста.

Вика передёрнуло, когда он представил мятную единорожку, доведённую до самоубийства жестокими словами и чудовищным зрелищем «Пони-Плея».

— Рейнбоу, как ты могла? — спросил Вик, — Зачем? Что она тебе сделала?

Дэш, у которой и без того на душе кошки скребли, отвернулась и снова положила голову на стойку бара.

— Мне плевать, — тихо проворчала она, — на всех теперь плевать… Проклятье, оставьте меня в покое все…

Вик вздохнул и поднялся со стула. Встретился взглядом с Серафимой, которой, видимо, надоело ждать на улице.

— Узнал, что хотел? — спросила девушка.

— Лира здесь была, — ответил Виктор, — но давно ушла. В таком расстройстве, что могла… что-то сделать с собой.

Серафима обхватила плечи руками и покосилась на стойку:

— Могу её понять. Не по себе от того, как на меня эти лошади таращатся.

— У них просто глаза большие.

Взгляд случайно упал на рыхлого парня с Рейнбоу Дэш, что сидела на диванчике напротив. Голубая пегаска явно имела склонность к полноте и сейчас занималась тем, что уплетала рафинад прямо из сахарницы. Вик засомневался, что эта пони может летать даже на антигравитаторах.

Вероятно, это был как раз тот случай, когда в голове Рейнбоу Дэш была «пользовательская» поведенческая программа.

Серафима сказала:

— Когда я мимо прохожу, они смотрят так, как будто я собираюсь их ударить!

Подал голос пухлый бармен:

— Обычное явление для этого места, мэм.

— А Вам их не жалко, Сэм? — спросил Виктор.

Бармен пожал плечами:

— Я тут всего лишь работаю. Моего мнения никто не спрашивает.

Рейнбоу, которая изо всех сил делала вид, что происходящее её не касается, раздражала эта болтовня. Этот парень, который свалился то ли с Луны, то ли из Белого города, эта девчонка. Чёрт побери, сейчас раздражало всё!

К счастью, два необычных гостя довольно быстро ушли. Может быть, и впрямь искали какую-то конкретную пони, а не просто стебались?

«Спёрла, небось, у них чего-нибудь, — подумала Рейнбоу Дэш, — А, да пофиг!.. Ох, голова моя…»

— Сэ-э-эм, — протянула пегаска вслух, — плесни страдающей поняше…

Но вместо весёлого бульканья алкоголя в ответ раздался голос бармена:

— Дэш, тебе сегодня ещё на сцене петь.

— Пить?

— Петь! Может, хватит пить уже?

Дэш подняла голову и удивлённо уставилась на человека:

— П-погоди, что? Сэм, родной, тебя колышет моё гребаное здоровье?

— Я беспокоюсь о том, что если ты умрёшь от алкогольного отравления, то мистер М понесёт убытки, а вместе с ним и я. А у тебя группа, Дэши. И своя, новая жизнь.

Рейнбоу прикрыла глаза, борясь с очередным приступом головокружения.

— К чёрту мистера М, — пробормотала она, — к чёрту группу… к чёрту эту жизнь…

Дальше спорить Сэм не стал. К Рейнбоу Дэш подкатился очередной стакан с выпивкой. Пегаска с улыбкой проглотила обжигающую жидкость, но желудок имел на новые дозы этилового спирта собственное мнение…

http://tl.rulate.ru/book/82033/2552548